

Во что верит человек, если отходит от Бога?

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ О БОГЕ, ВЕРЕ И ЦЕРКВИ

**Протоиерей
Александр
ЛЕБЕДЕВ**

Протоиерей Александр Лебедев родился в 1976 году в Вологде, настоятельствует в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Торгу в родном городе.

Закончил Московскую духовную семинарию и академию. Помимо упоминавшегося настоятельства в городском храме у отца Александра есть ещё одно - в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в женской колонии г. Вологды. Кроме того, на нём лежит забота о тюремном служении по всей Вологодской епархии. В 2006 и 2009 годах о. Александр был удостоен главной награды конкурса на лучшую публикацию о Православии в областных СМИ - премии имени святителя Игнатия (Брянчанинова).

В 2009 году на XIV Всероссийском семинаре-фестивале «Православие на телевидении, радиовещании и в печати» получил диплом III степени и бронзовую медаль.

Автор двух книг ответов на вопросы о Православии в современной жизни, изданных в «Библиотечке епархиального журнала «Благовестник», причём первая из них вышла уже двумя изданиями - в 2009 и 2010 годах.

Рождество Христово - это большой праздник. А на праздник надо веселиться. Какое же веселье без возлияний? К тому же приходится этот праздник на время январского, по словам музыканта Юрия Шевчука, геноцида. Получается, что Церковь соучаствует в этом геноциде. Вас это не беспокоит?

Вообще-то церковное отношение к праздникам заметно отличается от того, которое принято в среде любителей отмечать «день граненого стакана». Если прислушаться к самому слову «праздник», то становится понятно, что это день, в который человек празден, то есть свободен от работы. Но это не просто день отдыха (безделья), ведь не каждый выходной мы отмечаем как праздник. Отличие праздника от выходного в том, что в выходной день человек делает что хочет, а праздник наполнен каким-то определенным содержанием.

Праздники были всегда, на протяжении всей известной истории человечества. А значит, они являются такой же необходимостью для человека, как еда, сон и прочее. Причем интересная особенность: светских, в нашем понимании, праздников раньше не существовало. Все известные с самых древних времен праздники носят религиозный характер. Хотя «религиозный» - слишком сухое слово. Правильнее будет сказать, что праздник всегда был связан с верой в Бога. Человек трудился, пахал землю, добывал пищу - всё его внимание было приковано к земле. Но вот наступал праздник, человек разгибал спину и устремлял взгляд в небо, молился, питал душу службой в храме. Получается, что жизнь была по-

строена так, что душа и тело попеременно трудились, получая свою пищу: тело - от плодов земли, душа - от Бога. Праздники помогали человеку ощутить себя именно человеком, а не пресмыкающимся по земле существом. Об этом, на мой взгляд, нужно помнить, иначе любой, самый прекрасный праздник грозит обернуться алкогольшным марафоном, который не возвышает, а унижает человека.

Именно так Церковь и призывает понимать и отмечать праздники, а за тех, кто ищет повода напиться - будь то день взятия Бастилии или память Святителя Николая - Церковь, естественно, не в ответе. Нельзя же из-за пристрастий не самой лучшей части людей лишать всех остальных праздничной радости.

Во время святок, да и не только, люди гадают. Я лично вижу в этом пустой, но безобидный обычай, может быть глупый, но не более того. Почему же Церковь настаивает на том, что это опасно?

Легкомыслие - бич нашего времени. Неоднократно поражаюсь я тому, насколько легкомысленны могут быть люди. От одной медицинской сестрички мне приходилось слышать досадование (не сокрушение, не слёзное покаяние, а именно досадование) на то, что она по невнимательности какому-то больному старичку на дежурстве капельницу не поменяла. А он возьми да помри. Какая, казалось бы, мелкая оплошность - и какие серьёзные последствия!

Люди, говорящие, что в гаданиях нет ничего «такого», страдают похожей болезнью легкомыслия. Есть слова, к которым я советую прислушаться с большим вниманием, они принадлежат английскому писателю Г.-К. Честertonу: «Когда человек перестаёт верить Богу, он начинает верить всему остальному». Вера гаданиям - отречение от Бога! Не иначе! Потому что двух вер сердце человеческое вместить не может. А если такое двоеверие все же происходит - человек впадает в тяжелую душевную болезнь, подобную раздвоению личности при шизофрении. Только раздваивается не

разум, а сердце, душа. В конце концов, что-нибудь да перевесит: либо человек скатится к язычеству (а гадания - одно из его проявлений), либо возвысится до христианства.

Приходилось слышать, что христиане празднуют Рождество в тот самый день, когда раньше праздновали день рождения бога солнца. Зимнее солнцестояние! А христиане просто заняли «чужое место», «отняв» этот праздник у безобидных язычников. И вообще, язычество - духовнее христианства.

Страдания о потерянной языческой духовности - явление сугубо современное, его придерживаются люди, в глаза не видевшие язычника, из пальца высосавшие представление о нем как о человеке, нюхающем цветочки и живущем в гармонии с окружающим миром. Гармония с окружающим миром! Как прекрасно звучит и как густо пахнет кровью! Окружающий нас мир - совокупность пищевых цепочек, где поедание друг друга - норма, где более могущественное существо вправе сожрать того, кто стоит ниже его в этой самой цепочке. Даже не то что вправе, а это просто естественно! Так должно быть. Человек употребляет в пищу животных - это ведь нормально. Теперь вопрос на засыпку: а кто стоит выше человека в пищевой цепочке? Не догадываетесь? Боги! И они не то что имеют право, а естественно, в соответствии с мировой гармонией, должны пожирать людей! Этим и объясняется необходимость (!) принесения человеческих жертв богам. И такие жертвы приносились нашими предками славянами до принятия христианства, и было это привычным и распространённым делом! Так что совершаемые любителями реконструкций хороводы, да плетения венков, да прыганья через огонь - не иллюстрация язычества, а сублимация собственной сентиментальности и розового прекраснотушия. Как видим, о какой-то преимущественной перед христианством языческой духовности речи быть не может, как и о безобидности язычества.

Что же касается празднования Рождества Христова в день зимнего солнцестояния (25 декабря) - да, это, конечно, не случайно. Это попытка наполнить новым содержанием старую форму. Когда христиане перестали быть гонимыми и получили возможность праздновать свои праздники открыто, то естественным стал вопрос времени празднования Рождества Христова. Точных исторических сведений о дате рождения Спасителя не существовало, поэтому решили поискать день, символически подходящий к смыслу празднуемого события. Христос говорил о Себе: «Я свет миру», и с момента Его рождения «Свет Христов просвещает всех» (это слова из богослужебного текста). Поэтому естественно было установить празднование Рождества Христова в день, когда, условно говоря, нарождается новый свет. Языческая радость о прибывающем солнце, от которого зависит жизнь и благополучие человека, преобразилась в состояние радости духовной о рождении Того, Кто дарует жизнь вечную и просвещает знанием Истины. Такая вот символика.

Если Новый год люди встречают под знаком Кролика, Кота или какого-нибудь другого животного, то что в этом плохого? Чем Церковь не устраивают гороскопы?

Тем, что принижают человеческое достоинство. Человек сотворен по образу Божию, а не по кроличьему и не по кошачьему. Поэтому соотносить свою жизнь с разными тварями мы никак не должны. Один мой знакомый на вопрос, кто он по гороскопу, отвечал: человек! Да, человек! А к прочим собеседникам, соотносившим себя кто с овном, кто со скорпионом, он обращался и называл кого бараном, кого - насекомым, а кого и просто животным. Люди обижались. Очень странно. С чего бы? Ведь человек просто серьезно воспринял их самоопределение, не больше того. Еще раз повторю: люди, оставайтесь людьми!

На Крещение я хожу в церковь за святой водой, потому что она, как говорят, помогает против болезней.

А вообще - для чего нужна святая вода? В каких случаях она для меня полезна? Когда вредна?

Действительно, в Церкви человек может получить пользу. Это очевидно потому, что в течение двух тысячелетий люди, как мне кажется, вполне могли разобраться, что приносит пользу, а что - нет. Если Церковь по сию пору жива и храмы заполняются людьми (кстати, если нет искусственных внешних препятствий, то заполняются все гуще и гуще), то, думаю, это красноречиво говорит о том, что какую-то выгоду для себя человек в Церкви находит. Искать выгоды естественно и, как говорится, не безобразно, я лично ничего крамольного не вижу в том, что человек стремится извлечь из посещения храма какую-то пользу. Ненормальность и глупость я вижу в том, насколько убоги и ограниченные претензии человека, который может получить в Церкви нечто несопоставимо большее, чем просто «не болеть». Не думаю, что мы назовем нормальным и разумным человека, приобретающего новейший компьютер для того, чтобы использовать его в качестве подставки для горшка с цветами. Спору нет, это оригинальное дизайнерское решение, но насколько больше пользы можно извлечь из покупки, если её всё же употреблять по прямому назначению.

Что-то подобное можно сказать и о Церкви. Она призвана помочь человеку достичь вечной жизни и вечной радости. Достигаются они путем очищения своей души от страстей и грехов. Дело это, как можно себе представить, не легкое, более того, без внешней помощи - неподъемное. Через приобщение к церковным святыням человек как раз и получает необходимое ему укрепление. При этом улучшение состояния здоровья - всего лишь побочный эффект этого, так сказать, процесса. Как известно, человек состоит из души и тела, которые существуют не обособленно друг от друга, а взаимосвязанно. Поэтому изменения в душе человека естественно влекут за собой некий отзвук и в области теле-

ной. Соответственно: без внутреннего душевного оздоровления надеяться на телесное укрепление не приходится, в каких бы количествах святая вода ни употреблялась.

Хороший топор, к примеру, вещь чрезвычайно полезная, но сам он, без усилий и труда мастера, дом не срубит. Так и святая вода: вещь это, безусловно, хорошая, но без приложения молитвы - малополезная. Этим, кстати, и объясняется, почему одни и те же церковные действия, одна и та же святая вода кому-то приносят ощутимую пользу, а кому-то малозаметную или вовсе никакой.

Поэтому Церковь не просто «приводит» святую воду, но приглашает каждого человека принять участие в ее освящении - на праздник Крещения Господня, как известно, водосвятный молебен совершается не тайно, за семью засовами, а всенародно. И к молитве, и к приобретению святыни приглашается Церковью в этот день каждый считающий себя православным человек.

«Просите - и дастся вам». Согласно этому духовному закону в ответ на молитву Бог подает человеку благодать. Подает через посредство святой воды, которая наделяется Богом особыми целительными и чудесными свойствами: «бесам губительна, ангельския силы исполнена, ... ко очищению душ и телес, ко исцелению страстей, ко освящению домов и ко всякой пользе изрядна» (слова из молитвы на Великом водосвятии).

Святую воду пьют, ею кропят жилища, ею обливаются, а наиболее смелые в день Великого водосвятия купаются в Иордани (так называют прорубь в реке). В наших широтах я бы назвал это испытанием веры: способен ли ты ради верности церковной традиции претерпеть ожог холодной водой? Однако нельзя забывать, что купание в Иордани - не шоу экстремалов, а возможность приобщения к святыне, которая требует к себе благоговейного, а не залихватского отношения.

Как уже говорилось, благотворное действие святыни зависит от правиль-

ного душевного состояния человека. «Миром Господу помолимся» - этот молитвенный возглас звучит среди начальных слов всякого богослужебного последования. Это напоминание о том, что прежде обращения к Богу нужно суметь примириться с людьми. Если ты с людьми столкнуться не можешь, то можно ли надеяться на то, что удастся что-либо получить от Бога? Вопрос риторический. К сожалению, его приходится задавать людям, пришедшим за святой водой, почти каждый год. Ведь зрелище жадных до благодати прихожанок преклонного возраста, которые, употребляя героические усилия, буквально пробиваются в первые ряды получателей крещенской воды, - пока еще не редкость. Впрочем, со временем положение улучшается: может быть, уходит в прошлое психология времен дефицита и страха того, что «на всех не хватит», может быть, народ наш постепенно все-таки воцерковляется, а может быть, мы наблюдаем действие обоих этих факторов.

Церковь покупает свечи дешево, а продает их не по себестоимости, а в разы дороже! Где справедливость?! Какой у них, у церковников этих, навар-то получается, а?! И вообще, РПЦ напоминает финансовую компанию, целью которой является отъем денег у бедного населения.

Церковь живет на пожертвования - это общее место, и это знают все. Поэтому ко всем денежным средствам, передаваемым Церкви, нужно относиться именно как к пожертвованиям, то есть - бескорыстно передаваемым. Никто не принуждает человека вносить пожертвования: пожалуйста, заходи в храм, молись, исповедуйся, причащайся, не тратя ни копейки своих денег. В конечном итоге ни один священник не вправе отказаться от совершения любого священнодействия безвозмездно. Однако этому священнику нужно есть и пить; храм, в котором совершаются службы, нужно ремонтировать и содержать. Люди это понимают и вносят пожертвования на храм. Думаю, такое

положение дел назвать отъемом денег у населения нельзя.

Одни бескорыстно жертвуют, другие бескорыстно священнодействуют - так должно быть в идеале, и такой идеал осуществим при одном условии: церковной десятине. Пусть каждый православный человек отдает часть своих доходов Церкви - и она вполне может жить, развивать свои социальные инициативы, весьма широко заниматься благотворительностью и раздавать свечки налево и направо каждому нуждающемуся. Может быть, когда-нибудь церковно-общественные отношения и придут к такой норме, пока же имеем то, что имеем. Практику фиксированных пожертвований.

Вообще «таксы» за исполнение треб, то есть богослужений по просьбе, по потребности людей (крещение, отпевание и т.д.) - это не церковное установление. В практику Русской Православной Церкви они были введены при Екатерине Великой. Это было частью весьма широкой компании секуляризации, когда государство отнимало церковные земли, вводило различные штаты содержания храмов и монастырей, притесняло наиболее смелых представителей духовенства, в конечном итоге за всеми этими мероприятиями просвечивает явное желание контролировать церковные доходы.

Раз поставленная в такое неудобное положение, Церковь не смогла от него освободиться до сих пор. Сегодня государство не принуждает Церковь устанавливать определенный размер пожертвования, но роль ограничителя в деле возвращения к «ненормированному пожертвованию» играет неизжитая расцерковленность нашего народа. Один жизненный пример на эту тему. Некий священник решил предлагать в своем храме свечи не за «таксу», а за добровольный вклад - он положил свечи, а рядом поставил ящик для пожертвований. На следующий же день свечей не стало, потому что по поселку прошел слух, что в храме свечи бесплатно раздают, и все поспешили запастись впрок. Вот каков

духовный уровень большинства «верующих» людей. Так что Церковь всегда готова вернуться к нормальным отношениям пожертвования, а вот наше расцерковленное общество - пока что нет.

О богатстве священников можно заметить, что священник живет так, как живет его паства. Если батюшка служит в столице и в храм его ходят банкиры - это один уровень пожертвований и, соответственно, доходов священника, а если храм сельский - то совершенно другой. А теперь ответьте на вопрос: большая часть людей в нашей стране сейчас живет богато или бедно? Вот ровно так же живут священники. Что-то не наблюдается вокруг храмов скопление желающих в них поработать на постоянной основе, и это вполне объяснимо весьма скромным уровнем заработной платы. И священник в этом смысле не исключение.

Не слишком ли богато живут священники? Разъезжают на иномарках, сотовые телефоны у них дорогие... И вообще: на что Церковь тратит деньги?

На этот вопрос могу ответить как настоятель одного из городских храмов. Более половины наших расходов - это выплата заработной платы работникам храма (и всех сопутствующих этому налогов). Да, Церковь платит налоги государству, она кормит его. Треть расходов - различные приобретения - те самые «свечки», а также иконы, литература, которые впоследствии предлагаются к распространению при сборе пожертвований. Значительный кусок церковного бюджета - это оплата коммунальных услуг, далее - сопоставимые с этим «куском» затраты по содержанию благотворительной трапезной, и кроме того - воскресной школы. Добавьте сюда необходимые ремонты, поддержание в порядке коммуникационных сетей, канцелярские и прочие расходы, и вы увидите, что церковные деньги как вода в песок уходят. Кроме того - благотворительность и взносы на общецерковные нужды. Найти в церковном бюджете брешь размером со

стоимость «Мерседеса» - из области мало-научной фантастики. Во всяком случае, применительно к нашему храму - а он расположен в центре города.

Миф о богатстве Церкви - это миф. В свое время мне приходилось слышать о том, что для разорения Русской Православной Церкви достаточно предпринять только одну меру - передать на ее баланс содержание Храма Христа Спасителя в Москве, который сейчас содержится правительством города. Затраты по его содержанию сопоставимы с размером общецерковного бюджета! А теперь скажите: велик ли и огромен ли этот бюджет?

Церковь бедна, и бедна настолько, что более девяноста процентов когда-то принадлежавших ей зданий представляют собой руины, вернуть и восстановить которые Церковь сейчас не в силах. Церковь только-только приходит в себя после страшных лет безбожия, которые буквально обескровили её, она пытается хотя бы встать на ноги. Большая часть священников и церковного народа - самоотверженные и бескорыстные люди. Другие вряд ли приживутся в церковной почве. Если и попадают среди священников хапуги и пьяницы, то гораздо реже, чем среди всего остального населения нашей страны. Да, может и священник оказаться недостойным своего сана, но ведь и среди учеников Христа был Иуда, не по нему же мы оцениваем нравственный уровень апостолов! Вот и я предлагаю судить о священстве не по статьям в желтой прессе, а по реальным и, слава Богу, немалочисленным примерам простых русских батюшек, в которых соединяются добродушие, нестяжательность, зачастую - бесстрашие и многое другое, что позволяет народу говорить о священстве как об

особых людях и предъявлять ему особые высокие нравственные требования.

Как-то зашел в храм - а там всё черное, мрачное, траурное (дело было Великим постом), однако в книжках пост называют радостным временем, «духовной весной». Как понять этот парадокс: с одной стороны - печаль, с другой - «радость велия»? В чем она - постная радость?

В чем радость поста, объяснить человеку, не знакомому с делом покаяния и исповеди, сложно, потому что понять, как сочетаются печаль и радость, можно только на своем опыте. Попробую объяснить на примере. Допустим, я сильно провинился перед человеком, причинил ему боль и несчастье и чувствую это: всякое воспоминание об этом человеке, всякий взгляд на него сопровождается внутренним мучительным чувством вины и разочарования в себе (оказывается, я на такое способен!). Чувство долга толкает меня просить прощения - и это дело мучительное: как просить что-либо у того, кто пострадал от тебя? Ты теряешься в словах, хотя долгое время готовился и подбирал их, ты мямлишь что-то нелепое, ты боишься посмотреть в глаза... И наступает прощение. Это приносит огромное облегчение, зарождается какая-то робкая радость, однако остается и горчинка от осознания своего недостойнства. Постом что-то подобное происходит между человеком и Богом: покаяние, прощение, примирение, горькое осознание своих немощей - радостопечалие, так это называется на церковном языке. Радость, растворенная в печалью. Мне жаль людей, кто подобного в жизни не испытывал, такие моменты запоминаются надолго и лучше всяких доводов объясняют, для чего нужен Великий пост.